

9(47):323.2.

Ч-49

ПАМЯТНИКИ АГИТАЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТОМ I

Мор 15/11/59

ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ

ОРГАН СОЦИАЛИСТОВ-ФЕДЕРАЛИСТОВ
1880 — 1881 г.

Вступительная статья О. В. Аптекмана

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА . . . 1923 . . . ПЕТРОГРАД

№ 3.

ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЪЛ

ОРГАН СОЦІАЛИСТОВ-ФЕДЕРАЛИСТОВ

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ!

Заявленіе прежних издателей «Черного Передѣла.»

Вам извѣстны, дорогіе товарищи, обстоятельства, помѣшавшія кружку «Черного Передѣла» продолжать изданіе своего органа в Россіи. Теперь, преодолевъ встрѣтившіяся на нашем общем пути препятствія, вы рѣшили перенести снова его изданіе на родину. Мы тѣм охотнѣе передаем веденіе этого дѣла в ваши руки, что имѣли уже возможность убѣдиться в тождествѣ ваших взглядов со взглядами, высказанными нами в 2-х №№ «Ч. П.» В послѣднем из этих №№ мы заявили уже полную свою солидарность с программой Общества «Земля и Воля.» В настоящее время, как и полтора года тому назад, мы думаем, что задача «Ч. П.» заключается в опредѣленіи задач партіи в народѣ, в агитаціи на почвѣ требованій народа, выражаемых лозунгом «Земля и Воля» и во внесеніи в народный протест идей современнаго соціализма. При этом, предостерегая партію от излишняго увлеченія вопросами чисто политическаго свойства, «Черный Передѣл», думаем мы, лишился бы значительной доли практическаго значенія, оставаясь вполнѣ безучастным к политическому вопросу, столь жгучему теперь в Россіи. В этой области, по нашему мнѣнію, орган должен остаться вѣрным принципу федерализма. Поэтому распадение Россійской Имперіи на самостоятельные организмы по естественным ея областям, пусть будет откликом на зов, раздающійся с другой стороны—«Всероссійскій Земскій Собор!»

Товарищи! Мы шлем вам братскій привѣтъ и, от всей души желая полного успѣха всѣм вашим предпріятіям, с своей стороны общаем вам наше посильное содѣйствіе.

Январь 1881 г.

Печатаем ниже письмо одного из основателей «Ч. П.». Привѣтствуя наше намѣреніе издавать этот орган в Россіи, автор письма высказывает слѣдующія мысли:

«Соціализм есть теоретическое выраженіе, с точки зрѣнія интересов трудящихся масс, антагонизма и борьбы классов в существующем обществѣ.»

«Вытекающая из него практическая задача революціонной дѣятельности заключается в организаціи рабочаго сословія, в указаніи ему путей и способов его освобожденія.»

«Исполненіе этой задачи невозможно помимо дѣятельности не только для народа, но и в средѣ его.»

«Внѣ организаціи сил, внѣ возбужденія сознанія и самостоятельности народа, самая геройская революціонная борьба принесет пользу только высшим классам, т. е. именно тому слою современнаго общества, против котораго мы должны вооружать трудящіеся обездоленные массы.»

«Освобожденіе народа должно быть дѣлом самаго народа.»

«Мы понимаем всю важность переживаемаго нашим отечеством политическаго и экономическаго кризиса и не мы будем ополчаться на защиту отжившаго самодержавія. Но, вопреки мнѣнію «Народной Воли», мы думаем, что не один только «современный государственный строй служит главным препятствіем к экономическому и политическому освобожденію народа» и низверженіе абсолютизма не устраним еще важнѣйших причин его порабощенія.»

«Чтобы достигнуть своего освобожденія, народ должен представлять собою сознательно организованную силу, способную дать отпор эксплуататорам всѣх исторических формаций, всех фазисов развитія страны. Иначе, на мѣсто представителей абсолютной монархіи явятся представители конституціоннаго режима, выразители экономических интересов буржуазіи. Борьба с ними будет также неизбежна для народа, как неизбежны

были протесты его против гнета абсолютизма. И чѣм разрознѣнѣе будут его силы, чѣм менѣе он будет подготовлен к пониманію социальных отношеній в буржуазном обществѣ, тѣм труднѣе будет борьба его против [2] новых своих господ, тѣм долѣе отсрочена будет его побѣда.»

«Современное положеніе Россіи, как нельзя болѣе, соответствует всему выше сказанному.»

«Абсолютизм, разбитый и дряхлый, как его коронованный представитель, понимает всю непрочность своего положенія и, растерянно озираясь, он ищет поддержки.»

«Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, какою цѣною и гдѣ найдет он эту поддержку. Выросшая под его покровительством, вскормленная его заботами, наша буржуазія начинает уже расправлять свои крылья. Она чувствует свою силу, понимает свое значеніе и, вчерашняя раба, она подсказывает сегодня программу «мирнаго развитія», а на завтра готовится взять в свои руки все управленіе государством.»

«Не политической агитаціей в так называемом «обществѣ» можно если не отвратить, то сократить ея господство. Общество — не народ. В огромном большинствѣ своих представителей — оно эксплуататор народа, верхній европеизированный слой той самой буржуазіи, против которой мы должны бороться. Приблизить час ея паденія могут только успѣхи социально-революціонной пропаганды, агитаціи и организаціи в народѣ.»

«Поэтому задача «Ч. П.» может считаться оконченною лишь тогда, когда вся русская социалистическая партія признает главною цѣлью своих усилій созданіе социально-революціонной организаціи в народной средѣ, при чем требованіе политической свободы войдет как составная часть в общую сумму ближайших требованій, предъявляемых этой организаціей правительству и высшим классам. Другую часть этих требованій составят насущныя экономическія реформы, в родѣ измѣненія податной системы, введенія правительственной инспекціи на фабриках, сокращенія рабочаго дня, ограниченія женскаго и дѣтскаго труда и т. д. и т. д.»

«Исходя одинаково из народной среды, эти два рода требованій будут находиться в неразрывной связи, и связь их послужит ручательством того, что предстоящій политическій пере-

ворот совершится в интересах не одних только высших классов.»

«При общем признаніи такой постановки вопроса, существующее нынѣ раздѣленіе между русскими социалистами лишается своего основанія, и «Ч. П.», как орган одной из фракцій, уступит мѣсто органу слившейся в одно цѣлое социалистической партіи.

Г. Плеханов.

Январь 1881 г.

С.-Петербург, 1 марта.

Историческій процесс разрушенія существующаго государственнаго и общественнаго строя совершается с неумолимою безостановочною послѣдовательностью. Банкротство административно-полицейских порядков и полная несостоятельность поддерживающаго их правительства и дирижирующаго класса сказывается все болѣе замѣтными и рѣзкими признаками. На стѣнах чертогов, гдѣ пируют за всероссійским пирогом расхитители народнаго труда, историческая необходимость уже начертала огненными буквами роковыя слова: мани, факел, оарес.

В большей или меньшей степени, в правильной или неправильной формѣ это сознается или предчувствуется всеми. Безотчетное, напряженное ожиданіе чего-то новаго, неизвѣстнаго, перемѣн, перестроек, переворотов, ожиданіе смутное, неопредѣленное, разнообразное проникает не отдѣльныя лица, не отдѣльныя кружки, а широко распространено во всѣх сферах, классах и группах народа и общества. Это безотчетное, смутное предчувствіе имѣет вполнѣ солидныя и реальныя основанія. Экономическое положеніе народа из года в год ухудшается и становится невыносимым. Систематическое раззореніе, до котораго доведен народ, все чаще и чаще оставляет его на же тву ужасам голода. Особенно обострились бѣдствія к текущему 1881 году. Голод и безработица, голод — вот что слышится теперь со всѣх сторон обездоленной русской земли. Населеніе Самарской, Саратовской, Екатеринославской губ., башкирское и киргизское населеніе Астраханской, Оренбургской, Уфимской губ. и Уральской области голодает в буквальном смыслѣ этого слова.

Ч. П.

Его давит не та нужда, которая давно уже заставила русского мужика употреблять в пищу мякину, лебеду и всякую иную дрянь, его давит страшный, костлявый призрак голодной смерти. Зловѣщіе слухи о голодѣ слышатся из Петербургской, из Олонецкой, Новгородской, Псковской, Черниговской, Полтавской, Харьковской, Херсонской губерній. В губ. Владимірской, Московской, Смоленской и в Западном краѣ на многих фабриках производство сокращено болѣе нежели на половину, на иных же совсѣм приостановлены работы. Конечно, рядом с этим—застой в торговлѣ внѣшней и внутренней. Не подлежит сомнѣнію, что современное экономическое положеніе народа далеко не является результатом случайных и легко устранимых причин. Шарлатанскій фокус, который продѣлали с крестьянским людом при его освобожденіи, отрѣзав лучшую часть крестьянских земель помѣщикам, дал свой горькій плод и отражается цѣлым рядом бѣдствій в жизни народа. Скованнаго узника освободили, но вмѣстѣ с тяжелою цѣпью отрубили ему и ноги. Узник очутился на свободѣ, но без ног, в положеніи придорожнаго нищаго. Этот первый тяжкій грѣх в союзѣ с неоплатными поборами, громадными платежами, «энергическими» способами выбиванія податей и недоимок, «преуспѣянiями» нашей промышленности и торговли, не прекращающимися «побѣдоносными войнами», «мирным прогрессом» в образѣ толстѣющих хищ[3]ников и кулаков из «грубой» породы Деруновых и Разуваевых или «благороднаго» типа Бобринских и Фишеров, бездушная, бессмысленная и деспотическая правительственная политика довели народ до крутаго окончательнаго разоренія. Палліативныя мѣры, направленныя к облегченію и устраненію существующей голодовки, не устраняя коренных причин ея, не имѣют значенія. Систематическое обирательство и расхищеніе народнаго добра, принимавшія с теченіем времени все большіе размѣры, дали в результатѣ почти повсемѣстно крайнее истощеніе почвы и полный недостаток в хозяйском инвентарѣ крестьянина, необходимом для успѣшнаго земледѣльческаго труда.

Чтобы попытаться задержать развитіе земледѣльческаго кризиса и постепенно устранить его, нужны громадныя денежныя средства, нужны широкія мѣропріятія в родѣ новаго надѣла

землей, системы переселеній, хотя бы временной отмѣны всѣх платежей и податей, громадных субсидій для пополненія крестьянскаго хозяйства,—мѣропріятія, на которыя у нашего правительства не достанет ни средств, ни ума, ни добраго желанія. А между тѣм в Россіи, гдѣ почти весь государственный бюджет оплачивается крестьянством, экономическое разореніе народа, как и слѣдовало ожидать, отразилось на финансовом положеніи государства банкротством. Теперь надо ожидать, что голодовки с каждым годом будут возрастать и в размѣрах и по интенсивности, пока экономическій кризис выльется в народную революцію, являющуюся таким образом единственным исходом из современнаго экономическаго положенія. Может быть это положеніе затянется еще на десятки лѣтъ, но может быть разрѣшеніе его и ближе.

Во всяком случаѣ гроза чувствуется уже в воздухѣ, ощущается в болѣзненно нервном, напряженно раздражительном настроеніи народа, на нее указывает самое поверхностное пониманіе народной психологіи,—того, что происходит в душѣ народа. Осмотритесь кругом, вдумайтесь в то, что происходит перед вашими глазами, что переживает теперь русскій народ. Как бывает всегда со всяким народом по свидѣтельству исторіи в эпохи, подобныя переживаемой нами, голод, это безысходное горе, муки и терзанія неудовлетворенной потребности повергают народ прежде всего в полное отчаяніе. Само по себѣ безотрадное явленіе—оно представляет в настроеніи народа переход к большей активности и рѣшительности. Это отчаяніе проявляется в самых разнообразных формах—в формѣ презрѣнія к своей собственной жизни, в формѣ рѣшительности покончить с близкими и дорогими людьми, чтобы не видѣть их страданій, не слышать их надрывающих душу воплей... И вот перед вами картина дѣтубійств и самоубійств рядом с случаями голодной смерти. У человѣка не хватает твердости прямо глядѣть в лицо медленно наступающему, мучительному призраку голодной смерти и он рѣшается ускорить неизбѣжный исход—наложить на себя руку... В Узморьѣ Новоузенскаго уѣзда повѣсился двѣ женщины от голода. Одна из них, которой удалось спасти жизнь, упрекала окружающих: «развѣ мила жизнь, пятеро дѣтей плачут, ѣсть хотят, а ѣсть нечего!» В Павлоградском уѣздѣ Екатеринославской губ. кре-

стьяне отвѣчают являющейся, в видѣ провіи, помощи от дифтерита: «не надо нам докторов, пусть дѣти мрут—все равно лопать нечего». Но это же отчаяніе заставляет иных натуры рѣшиться на крайнія средства... Инстинкт самосохраненія в данный момент перевѣшиваетъ всѣ отдаленные расчеты благоразумія. Так или иначе, но люди выходят из состоянія мирных обывателей, перестают спокойно и терпѣливо гнуть спину под давлением судьбы, какова бы она ни была... Признаки зловѣщіе, признаки, если хотите, мрачные характеризуют теперь положеніе нашего народа, но эти признаки всегда и фатально знаменуют эпохи революціоннаго броженія масс. По этим признакам можно всегда безошибочно судить, что общественные порядки покоятся на вулканѣ, готовом разинуть свою огненную пасть.

С одной стороны, как результат крайняго экономическаго разоренія и нищенства, увеличиваются в громадном числѣ преступленія против собственности: расхищенія, кражи, грабежи. Из Уральска, напр. пишут, что там «кражи и грабежи стали явленіем обыкновенным» и что «в непродолжительном будущем жители Уральска будут состоять из двух равных частей—обвиняемых и потерпѣвших». Из Харьковской и Саратовской губ. пишут: «преступленія против собственности увеличиваются и увеличиваются». Растут кражи и грабежи и в других мѣстах—в центрах торговли и промышленности и в глуши земледѣльческих сел. Они возростают в таком числѣ, потому что это не акты «злой воли», как выражаются юристы, а продукт голода и необходимости. С другой стороны, как результат ненормальных аграрных отношеній и невыносимаго безсмысленнаго полицейскаго гнета, все учащаются и умножаются случаи бунтов, сопротивленій властям и борьбы с правительством. В то время, как удары рѣшительных и самоотверженных революціонеров заставляют содрогаться «непоколебимо-твердый» российский трон, со стороны народнаго моря тоже начинает слышаться непокорный гулъ. Сообщенія о крестьянских бунтах и сопротивленіях властям, несмотря на условія, в какія поставлена печать, то и дѣло проникают в газеты и приносятся из различных мѣст российской имперіи. Судебные процессы по поводу преступленій такого рода стали явленіем обыденным. Одни за другими проявляются бунты в городах—по примѣру Харьков-

скаго, в Ростовѣ на Дону, в Саратовѣ. В городѣ массовыя движенія носят чисто стихійный характер, неопредѣленный, неожиданный. Деревня бунтуется из-за неправильнаго размежеванія земли, из-за взиманія неустоек, недоимок, из-за сношенія изб, продажи скота, с вѣрой в правоту своего дѣла не только в смыслѣ абсолютной справедливости, но и в смыслѣ увѣренности, что царь и закон на ея сторонѣ, что ей окажут защиту. Но в то же время в ней раздаются голоса, подсказанные отчаяніем: на угрозы и увѣщанія властей сопротивляющіеся крестьяне отвѣчают: «все равно—хуже не будет!» Грозный признак, яркое предзнаменованіе для отживающаго режима. Въмѣстѣ с тѣм принимают болѣе острый напряженный характер упованія народа на лучшее будущее, всегда возрастающее в моменты народных бѣдствій. Слухи о передѣлах земли волнуют теперь всю массу крестьянства; эту тему народ признает самой животрепещущей и интересной.

Нельзя не указать также на значеніе религіознаго движенія, все шире и шире охватывающаго народ. В массѣ крестьянства растут и развиваются секты болѣе или менѣе рационалистическія, горячая проповѣдь их охватывает самые заброшенные уголки. Без сомнѣнія это также один из признаков революціоннаго настроенія массы. Скованная мысль освобождается от уз! Критика начинает свою работу...

И так, в виду совокупности явленій, рисующих наредную жизнь и представляющих современное положеніе и настроеніе народа, какова задача народной партіи, каковы роли людей, ставших за интересы народа? Мы видим крайнее, окончательное разореніе народа, мы видим экономическую безурядицу и недовольство, толкающее народ на преступленія и на борьбу с существующим строем, по скольку он по крайней мѣрѣ соприкасается с ним непосредственно. Это недовольство и экономическая нужда представляют в настоящее время лучшую почву для революціонной дѣятельности в народѣ.

В народѣ существует достаточно ясное пониманіе своих ближайших потребностей и интересов, в нем сохранились выработанные исторической жизнью идеалы, представляющіе лучшее наслѣдіе прежних вѣков, прочный залог будущаго соціальнаго прогресса, идеалы, сформированные излюбленным девизом:

«Земля и Воля»,—осуществленіе этих идеалов должно стать непосредственной задачей народной партіи, в проведеніи в жизнь этих идеалов она должна видѣть первый, краеугольный камень, на котором созиждется в будущем стройное зданіе социализма в Россіи.

В то же время можно ясно видѣть, что препятствует народу устроить свою судьбу сообразно со своими идеалами, тѣ рвы и окопы, которые мѣшают ему выступить на прямую дорогу, та печальная завѣса, которая скрывает от его глаз реальное представленіе о счастливом будущем. Народ не надѣется на самого себя, народ не вѣрит в свои силы и уповаает на элемент чуждый ему, на внѣшнюю благодѣтельную силу, которую он олицетворяет в фантастическом представленіи о царѣ, защитникѣ его интересов. До сих пор вся жизнь народа, весь его умственный и нравственный склад, не смотря на революціонный принцип «Чернаго Передѣла», которым он проникнут, носит на себѣ тяжелый отпечаток пассивности, отсутствія самодѣтельности, являющійся логическим результатом той душной атмосферы крѣпостнаго рабства, экономической нужды и политическаго гнета, в которой протекли послѣднія столѣтія его исторіи. В значительной массѣ населенія до сих пор еще ожиданіе «Чернаго Передѣла», «слушнаго часа» связано с упованіем на царскую милость.

Такая пассивность и несамостоятельность придает узкій и не цѣлесообразный характер даже крестьянским движеніям, мѣшает выкинуть настоящее знамя и выступить не за интересы своего двора или своей деревни, а за интересы всего народа, за сознанные и опредѣленные интересы всего крестьянскаго сословія. Благодаря этому же, не замѣчается почти появленіе из среды крестьянства народных борцов, агитаторов, ведущих систематическую и организованную борьбу с существующим строем. И до тѣх пор пока эта пассивность будет тяготѣть над массой народа, до тѣх пор ея интересы не будут осуществлены, улучшения ея участи могут носить только палліативный, случайный характер, завися всецѣло от великодушія и народолюбія лиц, принадлежащих к другим сословіям и связанных в своей реформаторской дѣятельности, при всей доброй волѣ, общественным вліяніем послѣдних.

Преодолѣніе пассивности народа, внесеніе в среду его, наоборот, духа рѣшимости и упорно-систематическаго стремленія к достиженію сознательно поставленных цѣлей вмѣстѣ с разрушеніем в умах народа того ложнаго кумира, которому он по горькому заблужденію поклоняется,—вот центр тяжести дѣятельности партіи. Правда в послѣднее время сама жизнь подрывает в народѣ его упорную вѣру в царя; именно тѣ же самыя причины, которые помогли ея созиданію, обратились в противудѣйствующія ей. И совершенно естественно, напряженные ожиданія народа неудовлетворены, его нужда возрастает, и один факт за другим вселяет в умах народа скептицизм и мысль, что его кругом обманывают.... Но это процесс тяжелый, медленно совершающійся—задача партіи с своей стороны ускорить это умственное движеніе, углубить русло, по которому понеслось это теченіе. Пассивность и политическіе предрасудки крестьянства могут быть уничтожены только стройной организаціей народных сил, созданіем в самих массах ядра рѣшительно настроеннаго, крѣпко сложеннаго, проникнутаго сознательностью цѣли, самоотверженностью в дѣйствіях. Народ должен стать на собственные ноги и выйти, в отношеніи своей политической жизни, из младенческаго состоянія, благодаря которому за него думают, рѣшают, борются и правят факторы, стоящіе внѣ его, не связанные с ним органически, не являющіеся представителями его собственнаго сословнаго самосознанія. [5] Объединеніе трудящагося люда и созданіе народной организаціи—залог возможности широкаго революціоннаго народнаго движенія и гарантія того, что народная кровь, пролитая в борьбѣ, с избытком вознаградится успѣшным исходом революціи—вот наша главная задача, наша ближайшая и дальнѣйшая цѣль. В этом направленіи должен двинуться и работать главный контингент наших сил, эта дѣятельность должна поглотить главную массу наших личных и матеріальных средств. Крестьянство представляет громадное подавляющее большинство русскаго населенія, проникнутаго при этом сознательным и широким революціонным принципом, и, слѣдовательно, «экономизація сил» требует главным образом размѣщенія их в деревнѣ. Идеалом в этом отношеніи может служить конечно сознательная массовая организація крестьянства и городских рабочих. Но практически

осуществимым при настоящих условиях и в ближайшее время мы считаем только создание, так сказать, элементарных клѣток этой организации. В каждой мѣстности, гдѣ находятся свои люди, в городах, как и в деревнѣ, они должны сгруппировать вокруг себя хоть небольшую кучку мѣстных людей, наиболѣе сознательных, наиболѣе нравственных, наиболѣе энергичных. Такая группа связана между собой и с другими группами общим планом дѣйствій и несложною, но ясною программой; члены группы, пользуясь популярностью, уваженіем и любовью в своей мѣстности, стремятся войти во всѣ сферы ея жизни, поправить ее, по возможности, сообразно с своими видами и постоянно развивать в населеніи активное, цѣлесообразное и сознательное отношеніе к своим интересам. Они не пропускают ни одного случая, гдѣ непосредственные интересы мѣстности требуют массовых заявленій и дѣйствій на той или другой почвѣ или рѣшительных поступков отдѣльных лиц. Они приучают таким образом населеніе к массовой солидарности в борьбѣ, к нанесенію рѣшительных и цѣлесообразных ударов, вселяют вѣру в свои силы, вѣру в успѣх и вмѣстѣ с тѣм постоянно популяризуют в населеніи народную партію, ея принципы и дѣйствія. В основаніе своей организационной работы мѣстные группы кладут экономическія или инныя, отвѣчающія интересам мѣстности, цѣли, потому что заговор во имя возстанія, сколько нибудь обширный, не может оставаться долго в тайнѣ без ожиданія близкаго практическаго дѣла. Только в момент, непосредственно предшествующій движенію, мѣстная группа начинает дѣятельную и энергическую организацию боевых сил населенія и, пользуясь своим вліяніем, при самом проявленіи движенія становится во главѣ его, открыто поднимает знамя революціи и берет на себя инициативу первых предпріятій, успѣхом которых обуславливается дальнѣйшій успѣх самаго движенія. Ея нравственный авторитет даст ей возможность во все время движенія руководить им, внести в него широкія и сознанныя цѣли и оберегать от ложных шагов и вредных вліяній. Организация мѣстных групп вообще вопрос первостепенной важности для партіи. Условія нынѣшняго и извѣстнаго числа послѣдующих годов, указывая на возможность мѣстных бунтов в голодающем районѣ, укрѣпляет мысль, что с дѣлом организациі народа, созданіем партіи в

самых массах слѣдует поторопиться. Мѣстным движеніем возможно было бы воспользоваться и придать ему революціонный характер только в том случаѣ, когда в мѣстности существовала бы мѣстная группа, заранѣе пріобрѣтшая вліяніе.

Бывает, что в началѣ одна только мѣстность проявляет протест, но послѣдній, встрѣчая благоприятныя условия и почву в других мѣстах, подхватывается, и мѣстное движеніе таким образом становится общенародным бунтом. Но в числѣ благоприятных обстоятельств, помимо коренных государственных и экономических причин, не малую роль играет существованіе органической связи между мѣстностями и возможность своевременнаго сговора... Далѣе, историческій опыт показал, что народ только тогда быстро поднимается и организуется в боевую силу, когда существует готовый кадр. А много ли сдѣлали социалисты-революціонеры в этом направленіи? Только когда мы укрѣпимся в самом народѣ, пустим глубоко корни и не будем представлять из себя людей, стоящих внѣ текущих интересов народной жизни и только «измысливающих» революцію, мы станем солидной, имѣющей вѣс и голос, силой, вліятельным фактором в судьбѣ страны. Только тогда станут умножаться и разрастаться мѣстные группы, концентрируя вокруг себя лучшія силы народа, когда главный контингент партіи будет состоять из лиц трудящагося сословія, непосредственно заинтересованнаго в судьбѣ переворота своими экономическими потребностями, только тогда мы станем поистинѣ *народной* партіей, партіей настоящаго и будущаго.

Если организациа народных сил во имя экономических требованій народа признается нами основной и постоянной задачей партіи, то мы не игнорируем нисколько, как может засвидѣтельствовать наша программа, других задач и пріемов борьбы за народное освобожденіе.

Мы не игнорируем политических потребностей и политической дѣятельности народа. Ненормальное состояніе отжившаго государственнаго строя и переходное время, которое, очевидно, в отношеніе своего политическаго устройства переживает наша страна, как одна из «злѣб дня», не может быть оставлена без вниманія партіей, стоящей за народные интересы. Мы знаем, какое значеніе имѣет для народа политическая свобода

буржуазно или бюрократическо-конституционного режима при экономической порабощенности, но мы не можем не оценить выгоды признания элементарнейших прав личности. Поэтому мы на борьбу против деспотического и полицейского гнета смотрим, как на соответствующую интересам народа и партии. ^{со[6]}чувствуем и вносим требование политических реформ в список ближайших требований Народной партии. Но, если ограничить свою деятельность сферой исключительно политической и притом бессознательной поддержки организованных масс, тогда может быть возможно добиться политических реформ, но не политической революции. А политические реформы или оставят экономическую жизнь народа без изменений, или внесут в нее паллиативы.

* * *

Между тем в государстве, основанном на противоположности классов и тем более при политическом деспотизме, экономический переворот неизбежно будет сопровождаться всегда политической революцией. И в понятиях народа, и в программе партии, и в неизбежном ходе вещей—«Земля» неразрывно связана с «Волей», экономическая обеспеченность—с политической свободой, потребности желудка—с чувством достоинства и самостоятельности личности! Организованное сословие, борющееся за экономическую свободу, не может быть сторонником политического рабства. Всякая попытка изменить соотношения общественных сил и факторов уже сама по себе есть деятельность политическая. Одна из настоятельных задач партии в этом направлении—внесение в народ, вместо разрушающейся враны в царя, более широких идеалов, логически вытекающих из будущих экономических условий, характера и нравов народа. Мы не можем теперь так же стоять на той односторонней почве, на которой еще недавно стояли наши кружки и фракции, и ограничить деятельность партии одной ближайшей функцией кружка, одним излюбленным приемом. Известно, что некоторые кружки придавали преувеличенное значение средствам и приемам деятельности, что ими определяли свое расхождение с другими фракциями и назывались пропагандистами, бунтарями, террористами. Партия или фракция лучше всего может быть характеризована

принципами, которыми она руководствуется в своей практической деятельности. Здесь различие является действительно основным, резким, между тем, как известные приемы действий и средства, например пропаганда или террор, практикуются самыми противоположными партиями: их употребляют и реакционеры и крайние революционеры. Основным принципом народников является следующее: *все для народа, все собственными, сознанными усилиями самого народа*. И сообразно с этим принципом мы придаем главным образом значение организации народных сил. Мы избираем путь может быть медленный, но верный. Мы избираем путь не всем заметного, но упорного, систематического, прочно создающего труда! Мы избираем путь, требующий не столько моментальных гигантских порывов воли, сколько устойчивой, сосредоточенной и непоколебимой энергии! Но мы понимаем, что задача революции широка и всеобъемлюща, что она не должна и не может ограничиться одной сферой деятельности, она требует, наоборот, одновременного напряжения сил в самых различных областях жизни, она с самых разнообразных сторон требует громадных затрат ума, способностей, энергии, высокого, самоотверженного чувства, героических подвигов. Партия, которая возвышает обновление и искупление страждущего человечества, должна поразить мир подвигами нравственной силы, глубокого убеждения и высокого воодушевления! В то же время мы понимаем, что разнообразие темпераментов, характеров, способностей, склонностей и положений убежденных и готовых работать личностей требует столь же разнообразной по приемам и характеру деятельности. «Экономизация» требует, чтобы ни одна сила, ни один шаг не был потерян даром, и потому организация и программа партии должна принять все их во внимание, рассчитывать на них и сливать их в целесообразном объединении. Мы готовы признать не только своими союзниками, но и товарищами все кружки, борющиеся во имя народных и социалистических идеалов, по сколько они сами ведут борьбу и подают другим пример мужества, энергии и самоотвержения.

Мы протестуем только против увлечения политическими теориями, осужденными опытом истории других стран, против направления массы новых сил (особенно рабочих) на деятель-

ность, имѣющую второстепенное значеніе для задач партіи, как мы ее понимаем, в ущерб главной цѣли—организационной работѣ в массѣ населенія. Только организація, созданная в самих массах, сдѣлает наши кружки *народной* партіей, и только излюбленный историческій девиз: «Земля и Воля» может быть лозунгом радикальной Народной партіи!

[7] НѢСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ОРГАНИЗАЦІИ ПАРТІИ. *)

Дорогіе товарищи,

Мнѣ только что сообщили, что группы «Чернаго Передѣла» нашли возможность снова перенести свои изданія на нашу родину и я спѣшу исполнить мое давнишнее обѣщаніе и поговорить на страницах вашего изданія об одном из важѣйших пунктов дѣятельности для всякой партіи, которая хочет имѣть дѣйствительно-историческое вліяніе на событія.

С самаго возрожденія социальнo-революціонной русской литературы в 1873 г. необходимость организаціи революціонных сил была много раз заявлена на страницах «Вперед» и брошюр бакунистов, была высказана представителями «пропагандистов» и «бунтарей», сторонниками «Общины», «Громады», «Начала», «Земли и Воли», «Народной Воли» и «Чернаго Передѣла». И это вполне естественно. Три элемента роста всякой исторической разумной силы одинаковы необходимы. Как сила разумная, она может расти лишь путем пропаганды тѣх принципов, которые усваиваются ей убѣжденными приверженцами. Как сила, соответствующая данному историческому моменту, она может расти лишь вызывая в разных слоях общества неудовольствіе, агитацію, против существующаго в данном обществѣ зла. Как сила, способная выдержать борьбу за существованіе

*) Примѣчаніе Редакціи. Соглашаясь вполне с многоуважаемым автором этой статьи, что согласіе в указанных им границах может служить достаточным основаніем для объединенія русских социалистических фракцій в одну организованную партію, мы думаем, что автор преувеличивает распространенность основнаго социал-революціоннаго принципа: «все для народа, все собственными, сознательными усиліями самого народа».

с другими соперницами, т. е. как историческій организм, заслуживающій названіе исторической силы, она может расти лишь при условіи организаціи. Эти три элемента не составляют что либо один от другого независимое; напротив: они самым тѣсным образом связаны между собою: агитація против существующаго порядка и организація элементов партіи в одно цѣлое черпают свои разумныя начала из принципов, которые выставлены пропагандою; пропаганда этих принципов заключает в себѣ, как необходимое послѣдствіе, реальную агитацію против общественных форм и явленій, признанных злом во имя этих принципов; связующим началом организаціи партіи являются общіе ея членам принципы и во всѣх проявленіях своей жизни, как общественный организм, партія выступает источником агитаціи среди общества, в котором развивается.

По этому, утверждая необходимость организаціи для партіи русских социалистов-революціонеров, всѣ упомянутыя группы одинаково утверждали, что всѣ отѣнки и подраздѣленія этой партіи имѣют, при своем разнообразіи, общія начала, всѣми ими признанныя, и могущія служить общою связью для всѣх ея членов. Эти общія начала существуют и теперь, хоть вопросы, раздѣляющіе разные фракціи сдѣлались совсѣм иными, чѣм они были тому восемь лѣтъ, даже тому пять лѣтъ.

Раздѣленіе между личностями и группами одной и той же партіи имѣло мѣсто всегда, и даже не может не имѣть мѣста, потому что всякій общественный организм совмѣщает и должен совмѣщать в себѣ разныя фракціи, и, смотря по обстоятельствам, по обстановкѣ, даже по привычкам и темпераментам личностей, в нее входящих, данной группѣ может казаться важнѣе одна функція чѣм другая. Кромѣ того, иное раздѣленіе происходит в то время, когда партія выступает на историческое поле, еще не зная, гдѣ и при каких условіях ей придется вести борьбу с врагами и даже как будут дѣйствовать эти враги; иное, когда партія, в лицѣ своих разрозненных представителей, борется, чтобы отвоевать себѣ мѣсто в историческом движеніи; иное, наконец, когда она вошла элементом в реальное теченіе исторіи, подверглась вліянію сосуществующих с нею других исторических стремленій и сил, и имѣет за собою уже опредѣленное прошлое, под собою—уже установившуюся почву.

Тому восемь лѣтъ когда для русских социалистов-революціонеров мог служить поводом к раздѣленію на группы вопрос о важности или не важности знанія для революціонера: они стояли тогда еще вѣтъ настоящаго движенія и могли спрашивать себя, при каких условіях им начинать его. Теперь происходит раздѣленіе фракцій преимущественно во имя того, должна ли в Россіи борьба за политическія права предшествовать борьбѣ за экономическій переворот, или первая должна быть лишь элементом второй и подчиняться ей задачам: теперь лишь слѣпые или недобросовѣстные цѣнители могут оспаривать то значеніе, которое в современной русской исторіи получило движеніе «нигилистов». Теперь тот—измѣнник дѣлу, кто от него сторонится, продолжая называть себя русским социалистом, тот—измѣнник своим убѣжденіям, кто «выжидает», не участвуя в борьбѣ словом или дѣлом. Пропагандист, агитатор и организатор имѣют под собою в Россіи почву историческую, почву реальную. Каждый по своему способу дѣйствія, по своему темпераменту, по своим способностям может занять свое мѣсто в борьбѣ, которая получила вполне опредѣленный характер, стала историческою—имѣет свою литературу и своих героев, вызвала против себя цѣлый ряд специальных административных мѣръ и специальных судов и, наконец, принудила самодержавное императорство искать спасенія в жалких уступках либеральному направленію, которыя казались немислимы тому три года.

Но уступки, дѣлаемые самодержавною властью, дѣлаются врагом русскаго революціоннаго социализма, дѣлаются с цѣлью подавить и деморализировать его: подавить тѣх его сторонников, которые не пойдут ни на какія сдѣлки; деморализировать ту долю партіи, которая подается на приманку нѣсколько большаго обезпеченія личности, нѣсколько большей свободы слова и откажется от борьбы, только что начатой, от борьбы экономической, не допускающей ни уступок, ни соглашеній; от борьбы во имя прав труда против эксплуатаціи капитала; от борьбы для доставленія лучшаго будущаго обдѣленным, голодающим классам рабочаго народа; от борьбы за постройку новаго солидарнаго общежитія трудящихся. Именно в настоящую минуту, болѣе чѣм когда либо, необходима партіи русских социалистов-революціонеров крѣпкая организація.

Возможна ли она и при каких условіях она возможна в настоящую минуту? Какіе общіе принципы могут служить ей жизненною связью? Какое раздѣленіе функций и органов могло бы дать жизнь организму партіи, не принуждая личность отказаться от своих убѣжденій даже в их специальной особенностях, не обращая живого органа в механическое и бессмысленное орудіе? Какая форма связи позволила бы партіи удовлетворить одновременно всѣм задачам, которыя поставила пред нею исторія: бороться с правительством, хранить тайну своих сношеній и дѣйствій, организовать народныя силы в политическую партію рабочих, связывать убѣжденных, понимающих и энергических социалистов в группы, которыя неустанно завоевывали бы себѣ новых и новых сторонников?

Я считаю своею обязанностью сказать нѣсколько слов по поводу именно этого важнаго вопроса.

Принципы революціоннаго социализма общи всѣм нам. Террористы и организаторы народных сил, пропагандисты экономической борьбы и тѣ, которые надѣются путем земскаго собора проложить путь к социальному перевороту, одинаково опредѣляют себѣ в будущем цѣль этого переворота. Эта цѣль: замѣна нынѣшняго экономическаго и политическаго строя другим, гдѣ всеобщій труд разносторонне развитых личностей составит основное побужденіе для солидарности всѣх членов общества; гдѣ возможно большая свобода и возможно большее равенство личностей замѣнит нынѣшній государственный гнет; гдѣ коллективная собственность, устранивъ всеобщую борьбу между личностями за наживу, даст возможность развиваться солидарному общежитію, которое не имѣло и не могло имѣть мѣсто в прошедшем. Эта общая цѣль соединяет всѣх нас в одну партію, независимо от наших разногласій во многом другом.

Но русских социалистов-революціонеров соединяют еще и нѣкоторыя практическія убѣжденія о средствах достиженія этой цѣли. Всѣ они вѣрят, что цѣль эта может быть достигнута лишь путем насильственнаго взрыва, путем революціи: потому они всѣ—социалисты-революціонеры. Мало того, огромное, подавляющее большинство их вѣрит, что лишь сам народ, своими силами, может создать новый общественный строй на развалинах низвергнутаго нынѣшняго строя. Чистые пропагандисты вѣрили,

что лишь распространяя в народъ социалистическія начала можно организовать народную партію и а эти х н а ч а л а х, и эта партія, которая проникала бы во всѣ классы народа, должна была, по их мнѣнію, составить ту народную силу, которая низвергла бы существующій порядок, замѣняя его иным, и к которой пристала бы неизбежно большая часть, еще невошедшей в организацию массы русскаго народа, так как революціонная сила вышла бы в большинствѣ из его же среды и переворот совершился бы в его пользу. На этой точкѣ зрѣнія стоял «Впередъ» во время всего своего существованія. — Нынѣшніе Чернопредѣльцы имѣют в виду одновременно двѣ различныя организаци: организацию убѣжденных социалистов, как кадр революціи на основаніи социалистических убѣжденій, и организацию недовольных народных сил на тѣх началах, которыя вызывают это недовольство; затѣм тѣсную связь этих двух организаций и совершеніе революціи силами организованных народных масс под вліяніем социалистических идей тѣсно связаннаго с народом кадра социалистической интеллигенціи. — Народовольцы и рабочіе члены их партіи имѣют в виду «соціально-рево[люціонную партію, в которую рабочая организация входит как часть», образованіе этою партіею при возстаніи временнаго правительства, и затѣм передачу власти в руки народнаго учредительнаго собранія, которое силами народа и его представителей устроит новый порядок. — Таким образом совершеніе соціального переворота силами народа можно также считать общепризнанным положеніем русской революціонной партіи.

Далѣе начинается разногласіе, но таково ли оно, чтобы организаци партіи в одно цѣлое была невозможна?

Нельзя требовать от другого, чтобы он отказался от своего убѣжденія для приступленія к организаци, которая в поставленных ею цѣлях не признает этих убѣжденій; нельзя требовать этого, когда сам сознаешь, что не мог бы отказаться от своих убѣжденій для подобной цѣли. Террористы, люди, ставящіе себѣ непосредственною цѣлью политической переворот в Россіи, организаторы народных сил, пропагандисты социалистических идей в народѣ и интеллигенціи — все это неизбежныя продукты русской исторіи послѣдних годов и их существованіе приходится констатировать в русской соціально-революціонной партіи.

внѣ всякой взаимной критики. Каждая из фракцій, каждый из убѣжденных социалистов-революціонеров, имѣет одинаковое право дѣйствовать по своим убѣжденіям, отстаивать их против других фракцій и стараться проводить их в практику жизни. Преступен лишь тот, кто ничего не дѣлает во имя своего убѣжденія в настоящіе, трудные годы. Но как только у всѣх фракцій есть общая теоретическая и практическая почва, то онѣ могут обратиться в различные органы единаго общаго организма, цѣль котораго — борьба с существующим экономическим и политическим порядком, подготовленіе и установка новаго, социалистическаго строя.

Оставляю совершенно в сторонѣ критику наличных программ разных фракцій, принимаю послѣднія за историческія данныя, и посмотрю, могут ли встрѣтиться непреодолимые препятствія их объединенію в общей организаци?

Может ли служить помѣхою террористу, замышляющему раззореніе тюрьмы, казнь опасной личности, если рядом с ним ведет в рабочих группах пропаганду его товарищ, плохо вѣрующій в полезное дѣйствіе терроризма? Может ли препятствовать организаторам народных сил в городах и деревнях, иная дѣятельность социалистов «политиков», употребляющих тѣ или другія мѣры (даже до союза с радикалами и либералами, не признающими необходимости экономической перестройки общества) для ограниченія произвола самодержавія, для расширенія свободы слова, гарантій личной неприкосновенности и т. д.? Встрѣчается ли препятствіе для группы, которая борется за экономическое и политическое освобожденіе масс, живущих под юридическими условіями Россійской Имперіи, не обращающаго особеннаго вниманія на различіе их національностей, — в том, что тут же дѣйствует группа, которая, не отказываясь от соціально-революціонной дѣятельности, придает особенное значеніе поддержанію обособленія различных національностей, и полагает, что федерація групп по національностям, не обращающаго вниманія на разницу юридических условій жизни, важнѣе, чѣм федерація их на основаніи послѣдних условій?

Мнѣ кажется, что на всѣ эти вопросы можно отвѣтить отрицательно. Дѣятельность каждой группы может происходить самостоятельно, по программѣ, выбранной этою группою, по

убѣжденіям, ею усвоенным. Приходится организовать лишь взаимное содѣйствіе всѣх групп в виду общей борьбы против общего врага, в виду достиженія общей цѣли; для этого приходится создать вліятельные общіе органы и цѣлесообразную систему сношеній между группами.

Надо замѣтить, что во многих частных случаях содѣйствіе различных фракцій всегда практиковалось, и что каждая фракція заключает в себѣ оттѣнки, сближающіе ее с другими фракціями. Когда приходилось освобождать, скрывать и препровождать за границу товарищей по общему дѣлу, о раздѣленіи фракцій забывали почти всегда. Многие чернопредѣлы не отрицают значенія террора, хотя в иных сферах. Многие «политики» сильно сомнѣваются в возможности дѣйствовать даже временно заодно с либералами, отрицающими необходимость экономического переворота. Прежніе пропагандисты или перешли под иное знамя, или ничѣм не проявляют своего существованія, и потому могу говорить в этом случаѣ лишь о себѣ: я, лично, остался пропагандистом и убѣжден, что единственная прочная организація народных сил для социальной революціи есть организація их на основаніи распространенія в народѣ социалистических убѣжденій, но если считать возможным организовать народные силы иным путем и дѣйствовать социалистическою пропагандою на организованныя уже силы, то я не вижу в этом никакого отступленія от программы социальной революціи.—Сближенія происходят и на множествѣ иных пунктов, которые перечислять здѣсь было бы неумѣстно.

Если были и продолжают встрѣчаться примѣры содѣйствія, нисколько не отказываясь от своей особенной программы, если происходят сближенія путем разных оттѣнков фракцій, то ясных противорѣчій в мысли об общей организаціи, охватывающей всю русскую социально-революционную партію, не существует, и условія, которым должна удовлетворять эта организація, вполне опредѣлены. Она должна опираться на начала теоретическія и практическія, общія всѣм русским социалистам-революціонерам; она должна вызывать к самой энергичной дѣятельности каждого члена партіи сообразно особенностям его способностей, наклонностей и убѣжденій; должна давать возможно большую самостоятельность каждой группѣ, избрав-

шей себѣ специальную цѣль во имя своих специальных убѣжденій; должна связывать всѣ силы партіи в тѣх случаях, когда онѣ могут быть связаны в общую согласную дѣятельность; должна облегчать сближеніе различных фракцій во имя общей цѣли и общих начал; должна, наконец, охранять возможно лучше тайну личного состава групп, входящих в состав партіи. *)

Мнѣ кажется, что для этого основными ячейками должны сдѣлаться небольшіе мѣстные кружки лиц с опредѣленною специальною программой и с личным составом, который, вообще говоря, извѣстен только лицам этого кружка, имѣющим удобныя личныя сношенія. Другим кружкам и центральным органам могут быть извѣстны лишь спеціальныя программы кружка, его численность и способы сношенія с ним. Кружок составляет избирательный орган для всѣх центральных органов партіи и подчиняется лишь тѣм рѣшеніям этих органов, которые согласны с его специальною программой или приняты единогласно на сѣздѣ представителей всѣх фракцій.—Раз'ясню это основное положеніе.

Положим, что в данной части Петербурга, или в нѣскольких близких между собою селах на Волгѣ, или в Женевѣ, находятся 7 человек, которые согласны между собою не только в общих началах русскаго социально-революціоннаго дѣла, но и в частных задачах в него входящих и ими на себя принятых. Они живут настолько близко друг к другу, что дѣйствительно находятся в приблизительно одинаковых условіях и могут удобно сноситься между собою, так что личность каждого имѣет вѣс в совѣщаніях и взаимный контроль поддерживает энергію всѣх их. Они концентрируют свою дѣятельность на одну специальную задачу, наприм. на истребленіе шпіонов в данной части Петербурга, на организацію народных сил в данной мѣстности на Волгѣ, на составленіе и изданіе в Женевѣ теоретических и исторических брошюр, относящихся к социализму. Они составили самостоятельный кружок, при чем их имена в первых двух слу-

*) Само собою разумѣется, что в нѣкоторых случаях, напримѣр для заграничных групп, тайна их личного состава лишь на столько важна, на сколько в них входят личности легальныя.

чаях известны лишь внутри кружка, для сношения же с другими группами или избрано в их среде одно лицо, или сношения происходят чрез промежуточных пособников, при посредстве безопасных адресов и т. под.

Таких кружков со специальными программами, состоящих из 5—10 человек каждый, можно представить себе сколько угодно. Они ни в каком случае не должны быть многочисленны; если число членов превзойдет нормальное (положим 10)—кружок раздѣляется на два самостоятельные кружка. Каждый кружок вербует себе новых членов и сторонников. Около кружка террористов являются пособники. Около кружка убежденных социалистов-организаторов организуются народные дружины на почве наличного местного недовольства. Около издателей социалистических брошюр распространяется сфера корреспондентов, жертвователей, распространителей и т. под., которые могут и не принадлежать организации.

Затѣм является необходимость организовать центральный распорядительный орган, орган для совѣщаний и соглашений между различными фракціями, наконец такая специальная группа, которая не может быть местными. Назову для краткости первый орган—комитетом, второй—сѣздом.

Комитет должен быть в каждую минуту представителем русской социально-революционной партіи, в том состояніи, как она есть и давать на сколько это возможно, общему дѣлу то направление, которое опредѣляется большинством дѣйствующих кружков. Он не может обязать какое нибудь лицо или какой нибудь кружок взять на себя дѣло, которое лицо или кружок взять на себя не хочет; не может пропагандиста назначить в террористы или политика в организаторы народных сил. Но он может распределить денежные средства, в него стекающіяся, сообразно взглядам избраннаго в него большинства о большей или меньшей важности разных операций дѣятельности в данную минуту, никогда впрочем, не отказывая совершенно в содѣйствіи ни одной отрасли дѣятельности, которая избрана болѣе чѣм одним кружком. Он может совѣтовать кружкам выдѣлить из своей среды личности для такой отрасли дѣятельности, которая в этом нуждается. Он может дать направление дѣятельности новых личностей и новых кружков, которые еще [9] колеблются в выборѣ

спеціальной программы, и личностей, которые стоят внѣ местных кружков.

Чтобы комитет был таким дѣйствительным представителем партіи в данную минуту, его состав должен быть результатом избранія и выборы его должны отражать дѣйствительное распредѣленіе сил партіи. Мнѣ кажется, что для этого можно было бы употребить слѣдующій прием. Допустим, что комитет состоит из 5 лиц и избирается ежегодно. Каждый кружок посылает к данному сроку на адрес, данный комитетом текущаго года, шифрованный бюллетень с именами пяти лиц, которых желает избрать в комитет на слѣдующій год. Очевидно, имена желательныя большинству кружков, будут повторяться чаще. Если в партіи всего (напримѣр) 100 кружков, то будут личности, получившія 80 и болѣе голосов. Пять лиц, получивших наибольшее число голосов, суть члены новаго комитета; пять слѣдующих — их кандидаты на случай ареста, болѣзни, смерти и т. под.

Мнѣ могут возразить: как же выбирать лиц, когда имена членов одного кружка неизвестны членам других кружков? Возраженіе это устраняется само собою. Тайна существенна вовсе не для тѣх личностей, которые могут быть выбраны в комитет, а для большинства остальных. Лица, которых выбирают в комитет, не могут скрыть своего имени: на это имя существуют указанія в процессах для всей публики, а еще прежде это имя известно всей фракціи, к которой они принадлежат (хотя бы как кличка), так как это люди, которые участвуют не в одном специальном кружкѣ, сносятся не только с ближайшими сосѣдями. Они завоевали себе неизбѣжную известность постоянною опасностью, среди которой живут и дѣйствуют, как в обычной своей сферѣ.

Необходимо упомянуть об отношеніи этого центрального органа партіи к тѣм центральным органам, которые могут быть созданы фракціями. Наприм. террористы уже имѣют свой исполнительный комитет. Кружки организаторов народных сил могут создать свой постоянный сѣзд для соглашенія организации в разных мѣстностях. Заграничные кружки могут образовывать общія кассы пособій и доставленія работы эмигрантам.— Если нѣкоторыя группы кружков предпочтут сносятся с цент-

ральным комитетом не прямо, а при посредствѣ своего особаго центрального органа, это—их дѣло и облегчит дѣятельность центрального комитета; но для выборов в комитет (или, как ниже, на с'ѣзд) каждый кружок-ячейка должен быть рассмотрѣн как нѣчто самостоятельное и спеціальныя центральныя органы должны играть лишь роль особаго кружка-ячейки, со спеціальной программой, имѣющей цѣлью координировать дѣятельность нѣскольких кружков, пожелавших имѣть такой орган. Для центрального комитета должно быть безразлично, дала ли себѣ та или другая фракція централистическую или федералистическую организацію. Он берет ее так, как она есть.

Всѣ кружки заявляют комитету о своем существованіи, о своем принятіи основных положеній социально-революціонной партіи; сообщают свою спеціальную программу и свою численность; присылают в комитет денежныя взносы для общаго дѣла; періодически извѣщают комитет о своей дѣятельности, о своих нуждах и обо всем, что может имѣть интерес для дѣла социально-революціонной партіи.—Комитет дает им, если находит нужным, опредѣленные указанія в предѣлах их спеціальной программы, или совѣты в виду общаго дѣла. Он сообщает кружкам из общаго хода дѣла все, что может быть им полезно для их спеціальной дѣятельности или для их безопасности.

Комитет распоряжается полученными суммами и направляет дѣятельность партіи, насколько может сдѣлать это, по безусловному большинству голосов своих членов.

С'ѣзд есть орган совѣщанія и соглашенія, а не распоряженія и потому он может быть не постоянным, а собираться періодически (наприм. раз в год) или в экстренное время по созыву комитета; он должен представлять непремѣнно всѣ фракціи, на численность же их при его составѣ можно не обращать вниманія. Его дѣло—дать возможность столкнуться на общей почвѣ людям, не совсѣм сходным в мнѣніях, и констатировать в важную минуту согласіе всѣх отѣнков партіи на энергическое дѣло. Его осуществить можно бы слѣдующим образом. Комитет, имѣя в руках всѣ частныя программы кружков, группирует их по их различным цѣлям, независимо от их различія по мѣстности или по частям функцій, ведущим к одной и той же цѣли. Заявляя о принятом им раздѣленіи всѣм кружкам, он

предлагает каждому прислать имена двух лиц, как представителей на общій с'ѣзд особенной фракціи, к которой принадлежит кружок; затѣм для каждой фракціи особо (независимо от ея численности) сосчитывает голоса, признавая избранными тѣх двух, которые в этой фракціи получили наибольшее число голосов. Всѣ избранные составляют с'ѣзд.

На нем комитет отдает отчет о своей дѣятельности. На нем происходят совѣщанія по спорным и текущим вопросам. С'ѣзд принимает лишь в таком случаѣ рѣшеніе, если оно единогласно и тогда оно становится обязательным для всей партіи, так как вся она имѣет тут своих представителей, независимо от численности фракцій. По всѣм прочим вопросам дѣло ограничивается совѣщаніями, если можно—соглашеніями, и результаты этого обнаруживаются лишь при слѣдующих выборах в комитет.

Внѣ мѣстных кружков-ячеек партіи приходится иногда имѣть органы, которые, по самой сущности своей функціи, не могут образовывать мѣстной группы из 5 человек. Напримѣр: на различных пограничных пунктах могут быть поселены члены для перевозки заграничных изданій; в различных военных командах, правительственных учрежденіях, среди желѣзнодорожнаго персонала и т. д. есть у партіи свои люди, число которых в каждом пунктѣ может быть очень невелико. Такія спеціальныя группы или отдѣльныя личности предлагают для даннаго дѣла свои услуги комитету, но уже не составляют своей программы и не образуют ячейки, а находятся в прямом распоряженіи комитета. Чтобы их вербовать, когда это нужно, комитет спрашивает всѣ кружки-ячейки, не могут ли они предложить из своей среды человека на такое-то дѣло, и, выбрав из представленных сколько нужно, организует из них спеціальныя группы с опредѣленным назначеніем, устраивая между ними сношеніе, если это нужно.

Внѣ самостоятельных кружков останется, может быть, не малое число лиц, которыя, живя по необходимости в данной мѣстности, не могут однако же организовать кружок-ячейку в 5 человек. Эти внѣ-кружковыя личности, пока не наберут себѣ товарищей в достаточном числѣ, должны будут отдать себя в распоряженіе или одного из ближайших кружков своей фрак-

ції, или ея центрального органа (если он существует), или центрального комитета всей партіи.

Между кружками и внутри кружков могут происходить столкновения и несогласія. О способѣ рѣшенія столкновений внутри кружков говорить нечего, так как самостоятельный кружок должен сам найти средства разрѣшить их или должен распасться. Несогласія между кружками могут быть рѣшены или третьей судом избранной ими посторонней группы, или рѣшеніем комитета или с'ѣзда, если к ним обратились спорящіе. Во всѣх этих случаях рѣшеніе судьи, к которому добровольно прибѣгли обѣ стороны, для них обязательно.

Было бы излишне вдаваться в дальнѣйшія подробности и говорить о способах устранить разнообразныя затрудненія, болѣе или менѣе важныя, которыя могут встрѣтиться при предлагаемом способѣ организаціи. Их будет не мало на практикѣ, но практика же, мѣстные условія и мѣстные удобства разрѣшат их несравненно лучше, чѣм это можно сдѣлать а priori. Было бы только искреннее желаніе разрѣшить их и организовать.

Но в предыдущем говорится лишь о функционированіи организаціи уже существующей. Как пустить ее в ход? Как приступить к дѣлу?—Для этого можно употребить разные способы и их легко найдут нынѣшніе дѣятели, если только захотят поискать их. Напримѣр можно бы начать хоть слѣдующим образом.

Если предложеніе, на сколько извѣстно, встрѣтило бы сочувствіе, то человек б р а з н ы х ф р а к ц і й берут на себя инициативу, с'ѣзжаются, формулируют общія основанія организаціи и сообщают друг другу об извѣстных им группах, находящихся в разных мѣстностях. Затѣм они посылают этим группам предложеніе:

1) Заявить свое приступленіе к партіи принятіем основных теорет. и практ. положеній, общих всѣм русским социалистам-революціонерам, и свое согласіе на общія начала организаціи партіи.

2) Составить и прислать свою спеціальную программу.

3) Заявить свою численность (не болѣе 10 чел. в кружкѣ).

4) Дать адрес для сношенія с кружком.

5) Прислать в данное мѣсто к данному сроку список пяти имен для составленія перваго комитета.

В назначенный ими самими срок инициаторы составят повѣрочную комиссію, все дѣло которой будет заключаться в прочтеніи отвѣтов кружков, в просмотрѣ списка членов и в объявленіи лицам, которыя получают наибольшее число голосов, что они выбраны в комитет. Если многія группы не захотят составить кружки и приступить к предложенной организаціи, дѣло не удалось и надо искать иного пути к той же цѣли. Если согласіе выражено, списки доставлены, то комитет немедленно вступит в дѣйствіе и от энергіи его будет зависѣть отысканіе и образованіе новых кружков, установленіе прочных сношеній с ними, руководство слабых и колеблющихся умирненіе раздоров и скрѣпленіе организаціи. Эта организація придет в дѣйствіе. При искреннем желаніи поддержать ее (а слѣдует помнить, что она и она одна сдѣлает партію силою) сгладятся неудобства, разрѣшатся сами собою затрудненія, примкнут к организаціи новыя и новыя группы, на с'ѣздах сблизятся фракціи и, когда настанет рѣшительная минута, комитет созовет экстренный с'ѣзд, изложив настоятельную задачу и единогласное, а потому обязательное, для всѣх рѣшеніе с'ѣзда, представляющаго всѣ фракціи, двинет всю армію соціально-революціонной партіи, как одного человека, в рѣшительную битву с врагом.

Может быть я заблуждаюсь, но изложенный мною план кажется [10] мнѣ настолько достижимым, настолько не стѣснительным ни для ни для одной фракціи, даже ни для одной небольшой группы, что я не вижу существенных препятствій для приведенія его в дѣйствіе. И тогда внѣ партіи не будет основанія оставаться из за того, что не вполне согласен ни с той, ни с другой из главных дѣйствій фракціи; всякій будет имѣть возможность войти в самостоятельную мѣстную группу единомышленников, или отдать себя в распоряженіе болѣе отдаленной подобной группы. Внѣ партіи останется лишь индифферентист, трус или отступник. Их не желательно имѣть в партіи.

Париж, 20-го января 1881 г.

П. Лавров.

3-го апрѣля 1881 г. восприняли мученическую смерть на висѣлицѣ социалисты - революціонеры: дворянка **СОФІЯ ПЕРОВСКАЯ**, крестьянин **АНДРЕЙ ЖЕЛЯБОВ**, сын священника—**НИКОЛАЙ КИБАЛЬЧИЧ**, крестьянин **ТИМОНЕЙ МИХАЙЛОВ** и мѣщанин **НИКОЛАЙ РЫСАКОВ**.

По поводу событія 1-го марта.

1-го марта 1881 года приговор Исполнительнаго Комитета над Александром II был приведен в исполненіе. Всероссійскій деспот пал от руки революціонера!

Дикій, безшабашный разгул русскаго правительства, скажем словами Квятковскаго: «бѣлый террор правительства» был одною из главных причин появленія террора революціоннаго. Этот послѣдній, удовлетворяя с одной стороны исполнѣ законному чувству мести за погибших товарищей, с другой является в настоящее время почти единственным цѣлесообразным приѣмом борьбы против политическаго деспотизма.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мы переживаем послѣдніе дни неограниченной монархіи, и революціонные толчки всероссійскому трону лишь ускоряют роды конституціоннаго режима в Россіи.

Что же касается до основной задачи Народной партіи, как мы ее понимаем, т. е. созданія революціонной организаціи в народѣ, поднятія в нем духа активности и вѣры в свои силы, то мы убѣждены, что таким путем она далеко не достигнется.

Для нас необходимо, чтобы народ увѣровал в себя, сознал свои силы и единственный путь для этого мы видим в борьбѣ самого народа с его непосредственными врагами, так как нельзя заставить другаго челоуѣка вѣрить в его силы, борясь за него и за идеалы, им несознанные.

Раз народ сознает, что он сила, то само собою разумѣется, что традиціонная вѣра в царя необходимо рухнет, так как она представляет собою неизбѣжное послѣдствіе неувѣренности народа в его собственных силах.

Террористическим фактам, подобным 1 марта, мы сочувствуем, как борьбѣ против политическаго деспотизма, имѣющей цѣлью улучшеніе внѣшних условій дѣятельности революціонной партіи, но мы протестуем против сосредоточенія сил на этой борьбѣ и главным образом против возможности и достиженія подобным путем социальной революціи.

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Из Симбирской губ.

Думаю, что читателям не покажутся нижеприведенные факты совсѣм уже безынтересными, хотя сообщеніе их в печати нѣсколько и запоздало.

Лѣтом 79 года мнѣ пришлось немало походить и поѣздить по одному из южных уѣздов Симбирской губ. Однажды съѣхался я на постоялом деревенском дворѣ со своими благопріятелями-крестьянами, засѣли за самовар; разговорились. Спрашивают меня, читал ли я газеты. Я говорю, что нѣтъ. «А в них, слышь, важныя новости пропечатаны. Недавно вот один из губерніи пріѣхал, сказывал, что читал, будто скоро у помѣщиков земли начнут отбирать в казну. И как, братец ты мой, ловко это дѣло подведено!... Созвал это наслѣдник к себѣ бар, да и говорит: Не хотите ли, говорит, господа бояре, в подарок от меня земли получить?—Будем много благодарны, ваше величество; завсегда вы были нашим благодѣтелем!...—Так дам я вам, и себѣ возьму, по двѣнадцати десятинок, согласны ли?—Согласны в. в.!»—А коли согласны, так подпишите вот эту бумажку. Баре, с дуру что ли, иль жадность то их очень одолѣла, взяли да и подмакнули бумагу то, не читавши. А в бумагѣ той сказано: «Мы нижеподписавшіеся отказываемся от всей нашей земли, за исключеніем двѣнадцатью десятинами на душу во всѣх трех полях...» Вот по этой самой бумагѣ и будут теперь отбирать у господ земли.» Нелѣпый, на первый взгляд, вымысел, а между тѣм в нем выражается в извѣстной части народное міровоззрѣніе. Ясно, что народ в этой мѣстности не утратил своей надежды на переход всѣх земель в руки земледѣльческаго сословія; вмѣстѣ с тѣм ясно и то, что он—опять таки по прежнему—надѣется в этом вопросѣ не

на себя, а на внѣшнюю силу, на царя, интересно то, что здѣсь надежды возлагаются на царя молодого. Это признак приближенія конца настоящаго царствованія: Во всей русской исторіи послѣдних двух столѣтій проходит слѣдующая черта: при [11] началѣ каждого царствованія надежды народа на осуществленіе своих идеалов оживают: новый царь, по их мнѣнію, непременно даст много всяких льгот простому народу; это оживленіе надежд обыкновенно сопровождается усиленіем народных волненій. Потом надежды на даннаго царя мало по малу ослабѣвают и доходят почти до нуля, и так до молодого царя, а там опять прежняя исторія. Так было при Екатеринѣ II, при Павлѣ, при Николаѣ, при Александрѣ, так и в настоящее время. Царь за царем проходят перед глазами народа, в каждом из них он разочаровывается и все таки продолжает вѣрить в способность царя помочь горю народному.

Когда я воротился в свое село, там уже был получен маковский циркуляр. Разговорился я с одним знакомым стариком, почтенным, уважаемым, хотя и не особенно далеким человѣком. Оказалось, что он еще не слыхал о маковском циркулярѣ. Я передал ему его содержаніе. «Да послѣ этого и царь-то дурак! Какіе мужику без земли обойтись...» Такія слова меня крайне удивили: старик был большим почитателем царя.

Дня через два-три собрали в селѣ сход; мѣстный помѣщик, какой-то придворный генерал, читал и разтолковывал крестьянам произведеніе маковского пера. Крестьяне слушали, говорили: «так! так!», а по окончаніи чтенія, расходясь говорили: «что ж, еще потерпим! Нам не привыкать стать дожидаться-то...»

Так сильна в них вѣра в необходимость и неизбежность передѣла, что если бы царь сам лично на всегда отказал им в этом, то и тогда, кажется, эта вѣра мало бы поколебалась: они стали бы дожидаться другого царя...

Сообщу еще фактъ, свидѣтелем котораго я не был, но во всяком случаѣ свѣдѣнія о нем получил из вѣрных рук: В сосѣднем уѣздѣ, в одном из самых крупных сел послѣ полученія циркуляра на сход явились два старика и стали доказывать, что пора бросить всякую надежду на царя... Их схватил урядник. Дальнѣйшая судьба их неизвѣстна.

Из Полтавской губ.

Лѣтом прошлаго года я побывал в родном селѣ; прежде всего я зашел к одному своему знакомому крестьянину. Увидавши меня, он разинул рот и выпучил глаза от удивленія: «А мы чули, що вас, панычу, того-пак...» он не докончил своей фразы и сконфузился. «Що ж вы чули про мене?»—«Та я так собі... усяку усячину тут балакають...» он видимо уклонялся от прямого отвѣта; но я угадал, в чем дѣло: всѣ поговаривали о том, что я сослан в Сибирь, а может быть и повѣшен. Не прошло и полу часа, как в хатѣ собралось уже человѣкъ пять ближайших сосѣдей и осыпали меня разспросами про Питер. Я отвѣчал, что ничего особеннаго,—вообще ждал, чтобы они высказались первые.—«Та що й казать! мы чули—писарь читав газету,—як заря стріляли, трохи не вбили... И за вищо це до его так причинились?» спросил один молодой козак и лукаво ухмыльнулся... «Та ще дурні, й стрелять не вмють...» смѣялся он. «Эге жь, таке лихо, таке лихо,—якого й не бувало...» говорил один старый дід... «а нам тут тоже не добре, продолжал он,—драча—що день, то й бѣлышы, земельки мало, никуды й сунуться: совсім тісно стало жити.» Другіе поддержали діда и стали сообщать про свое горе...—«У мене пять братів, говорил молодой козак, служившій уже в солдатах,—а земли на нас четьре десятины, ну що жь тут поробишь! Й що це в і н дума, як же нам жити! Чи не за то его и влучить хотили?» спросил он опять меня; но замѣтивши, что я стѣснялся говорить прямо (не довѣрчиво посматривая на одного из присутствовавших), он быстро сообразил, в чем дѣло, и замаял начатый разговор; он стал рассказывать про свое хозяйство, про новую хату и предложил мнѣ посмотреть эту хату. Когда мы очутились на срубѣ возлѣ хаты—вдвоем, он прямо заговорил ко мнѣ с полною откровенностью: «чи правда, панычу,—заговорил он, що соціалістів два мильона?»—«Як бы було стільки, то инчи порядки булы-б у нас»—говорю я ему. «Я й сам так думаю, що се мабуть брехня,—ну а колись й бѣлышь буде... Не я один, а е й други, котри думают, що на те стріляють в царя, щоб землю от панів одібать и мужикам оддать, а царь не хоче... Та колиб це швидче зробилось, а то життя немає, хоть пропадай, як собака.... Як булы паны сукины сыны, а в і их

мужики раскукины сыны, то легче було, ніж тепер, коли оруднують нами жиды, та богатырі; пана легче було обманути на роботі, ціх не обманишь—сам на все дивиться... Я, панычу, так думаю: не треба-б панів, та попів, та й царя... Він раскукинсын об нас не клопочиться: він думає, як бы ему лучше було! Не треба займати тільки віру! бо це гріх... Я подумаю добре, тай не знаю: як же воно без царя житимьме... Я чув (як був у москалях), що є така расублика, де царя немає, тільки не знаю, як там живуть?». Я об'яснив ему, як можно обойтись без царя. «Эге та... воно виходе: як оце мы старшину выбираємо, так и тоді—замість царя начальство: як плохо буде, то замінять можно и выбрать друге»...

Мой собесѣдник говорил с жаром энергично... Когда я стал спрашивать его о том, как же добиться того, чтобы отобрать землю, он не долго думал: «Мабудь не обійдеться без того, що не взялись за дрючки, та й збунтовались»...

Через нѣсколько часов я сидѣл в хатѣ другаго моего знакомаго мужика. Этот был уже человек лѣтъ 45, с умным, выразительным лицом.

[12] «Як почую я,—говорил он мнѣ, що хто-сь встрілив в царя, то мені страшно становиться: я у церкві на молебствіи все молюсь богу, що-б вони утікли благополучно. Я й думать боюсь: як се можно людину вішати, як собаку... Не добре время теперь. Як послухать кругом: усі землі ждуть, бо дуже бідкують люде... Мабудь без крови необійдеться... Я человек смиренный,—не хочу приставай до тіх, що хотят землю одібрати, не хочу й ийти проти них... Мені страшно думать об тім, що кровь прольється чоловіча... Вы, панычу, дивіться, що-б вас не злапали: тут про вас пішла чутка... Е тут люди не добрі—все прислухуються та придивляються, що-б донести начальству...»

«А дуже про землю мужики балакають» перебил я его. «Отам на вугли, біля церкві, вы мабудь бачили, як під праздник в неділю люде сходяться між собою побалакати; як послухать их, так тільки й чути мову про землю. А як забачуть, що йде соцькій, чи десятицькій, так зараз усі звертают розмову на що небудь инче». «А урядник що робить?» «Та що! Ему уже хлопці якось сказали: як будеш ще лазить по під вінками, то колись в темну ніч мы тебе не выпустим живым з рук...»

Він трохи після того зупинився. Як поставляли у нас урядника, то становий сказав до громады: на те вам урядники, що б про землю ничего не балакали; а як кто балакатиме, то nebude тому життя—згине на віки.»

Из села я уѣхал, нанявши «конячку» у одного діда, который поѣхал со мною в качестве кучера. Разговор не замѣтно перешел на землю: без этой крестьянской злобы дня не может обойтись разговор с мужиком.

— «Скажите, пожалуйста, спрашивал меня дід, «за віщо це до царя так пристали мов репьяки... справді кажуть люде, що як сыны повыврастають, то старому батькові вже не хозяйинувати: мы кажутъ вони ему лучше від тебе будемо хозяйинувати, бо ты вже старый. Та воно й справді так; та ще люде кажутъ, що будім-то цареві треття служба скінчалась, пора вже ему на покій»...—Яка там треття служба? говорю я ему—царь як схоче, так и робе ему нема строка.»—«Та хібаж так спросил дід удивленно,—та е-ж закон, по закону служба кожному, ну й цареві тожъ...»—«Нема для царя закона, говорю я ему,—сам царь законы пише, яки схоче: сегодня одні, завтра другі.» Это его поразило еще больше:—«А я батче думав, що ви все робе по закону.»—«А хтож написав той закон, діду?»—«Та хто его зна—я й не подумав...» Мабудь таки есть за віщо стріляти его, коли стріляють,—продолжал он немного погодя,—та видно бог не хоче его смерти, бо не разу не влучили... И кто ж такий стріля: чи воно з якои корысти, чи що»... размышлял он.—«Яка уж тут корысть, діду? Може та, що-б повісили!»—«Та воно и дивно: яка уж воно корысть...»

| Из Прилуцкого уѣзда, Полтавской губ.

Лѣтом 1879 г., возвращаясь домой—в село, один крестьянин догнал по пути человека, шедшаго по тому же направлению. Послѣ обычных привѣтствій пѣшеход взобрался на воз и они поѣхали. Незвѣстный стал спрашивать мужика о его житьѣ-бытьѣ, затѣм разговор коснулся земли. Незвѣстный спросил, кому принадлежит окрестная земля. «Це Гамаліевска, а це другого пана, а то третьяго»—отвѣчал мужик. «А де ж ваша,

громадська?» спрашивает неизвестный. «О он-де, бачиш—не великий клаптик,» отвечал крестьянин. «Бачу ж тепер, що правду кажуть ті люде, що стріляють в мого батька» произнес неизвестный. Видя смущение крестьянина, он объяснил ему, что есть люди, желающие добра народу; они-то и стреляют в царя, рассчитывая этим путем заставить его отдать все земли мужикам; в следствие этого, члены царской фамилии поставили себе целью узнать правду о положении народа, и вот они из опасения быть убитыми разбѣзжают переодѣвшись. В заключении он объявил, что он наследник,—что он убѣдился в необходимости помочь мужикам; с этою целью он написал на бумажке несколько слов, в которых заключалось приказание передѣлять землю. Эту бумажку «наследник» велѣл снести в волость для приведения в исполнение, при чем велѣл крестьянину держать до поры в тайне место, где они встрѣтились. Затѣм он слѣз с воза и исчез в ближайшем лесу. Крестьянин тотчас-же кинулся в волость и вбѣжал со словами: «наследника бачив, ось що він міні дав». Никакія возраженія не могли его заставить отказаться от своих слов: он энергически увѣрял, что «еже богу, бачив наследника,—що він такий, як его малюють,—що чув, як за лісом наследник поїхав так, що аж загуркотило». Упорно утверждая одно и то же, он успѣл взбудоражить все село. Исправник мог успокоить волнение только предложивши подождать общего передѣла земель, который должен быть вскорѣ, так как передѣл в одном селѣ являлся бы несправедливостью по отношению к другим.

Из Смоленской губ.

Года три тому назад, живя в деревнѣ, мнѣ пришлось случайно натолкнуться на одну крестьянку, уже не молодую—лѣтъ 35-ти, которая поразила меня своим отношением к царю и его крестьянской реформѣ. В началѣ нашего знакомства она была вообще сдержана, потом же стала относиться ко мнѣ довѣрчивѣе, и однажды, когда я сообщил ей, что недавно стрѣляли в нѣмецкаго царя, она совершенно хладнокровно заявила, что хорошо было бы, если бы и в нашего кто нибудь выстрѣлил. Я стал спрашивать, почему[13] она так не любит царя. Она заговорила о тяже-

лом мужичьем житьѣ, о плохих надѣлах, об огромных податях и пришла к заключению, что в этом виноват царь. Желая узнать, на сколько самостоятельно она пришла к подобному выводу, я стал спрашивать ее, не говорил ли ей об этом кто-нибудь раньше (надо замѣтить, что раньше она служила у «господ» в Москвѣ). На мой вопрос она рассказала о том, как однажды, в день 19-го февраля, барин говорил ей, что это великій день—день освобождения крестьян, что нужно за царя богу молиться и т. д., но она не вытерпѣла и стала рѣзко говорить о царѣ, даже ругать его, выставя на вид то, что «какое-ж это освобождение, когда он земли дал мало, а платежей много и т. д.» Так что барин даже испугался и совѣтовал ей быть осторожнѣе и подобных вещей не говорить при других, а иначе ей может достаться. К барину, по ея словам, приходили иногда студенты, а она по временам слышала нѣкоторыя отрывочныя фразы из их разговора; она видела, как однажды барин жог какія-то книги,—наконец, она узнала потом, что эти студенты были сосланы; но они с ней никогда не разговаривали ни о царѣ, ни о землѣ—

Когда она вернулась в Смоленскую губ., то у нея вначалѣ была мысль выжидать случая, когда царь будет проѣзжать мимо, явиться к нему и рассказать про мужичью нужду и про то, чтобы он дал больше земли. Но потом она стала все больше и больше склоняться к тому, что из этого ничего не выйдет. По ея словам, все мужики ждут—не дождутся передѣла земли и думают, что он будет по окончании войны. На мой вопрос, как—думают—будет передѣлена земля, она сказала, что разное толкуют: одни думают, что вся земля будет подѣлена поровну между всеми (в том числѣ будут и паны); другие думают, что панам останутся только усадьбы, земли же не будет, так как они должны служить,—третьи, наконец, опредѣляют на душу по 8 десятин, при чем тѣм, кто был на войнѣ, будет дано преимущество: они могут выбрать себе лучшіе участки.

— Ну, а если и послѣ войны царь земли не даст, что тогда будут дѣлать?—спросил я. «Нѣтъ, говорит, даст, непременно даст землю; потерпим еще маленько,—а если не даст, тогда уж остается бунтовать.» По ея же мнѣнію не слѣдует этого дожидаться, так как толку не будет, а нужно теперь же бунтовать.

Я поинтересовался узнать, как же она думает бунтовать. «А вот как: податей не платить, рекрутов не давать—вот тогда и даст землю. Я и на сходъ говорила об этом нашим мужикам, так не слушают: и так, говорят, будет земля наша». Немного прошло времени послѣ нашего разговора и мнѣ случилось быть свидѣтелем слѣдующей сцены: На дворѣ стояла кучка мужиков и баб и окружала какого-то прохожаго; он оказался солдатом, шедшим в отпуск с войны. Со всѣх сторон на него сыпались вопросы, скоро ли будут дѣлить землю? «Скоро,—отвѣчал он—сам царь говорил нам перед сраженіем, что даст землю... Да вот и теперь уже в иных мѣстах дѣлят», добавил он и указал на Орловскую губ., гдѣ по его словам уже землемѣры наѣхали, и это он сам видал, так как проходил по Орловской губ.

Дѣйствительно, в это время в Орловской губ. шло размежеваніе земель.

Из С....ой губерніи.

Извѣстіе о катастрофѣ 1-го марта пришло к нам на другой день. Понятно что сейчас же всѣ лица «власть имущія» собрались в мѣстный собор на панихиду.

В оградѣ и на площади толпились горожане—больше все мѣщане и слободскіе мужики. Лица у всѣх были угрюмо-задумчивы, кое-гдѣ шли разговоры о случившемся. «Все это господишки надѣлали!» восклицал челоѣкъ в поношенной лисьей шубѣ, очевидно мелкій торговец. «Вѣстимо, больше некому рѣшиться на такое дѣло,» поддакивали скупившіеся нагольные полущубки. «Тут, братцы, я так полагаю, все дѣло в Скобелевѣ,»—произнес из толпы пожилой мужик, по костюму из зажиточных:—он, вишь, завоевал царю большую землю; как пріѣхал он, значит, в Питер, царь-то его и спрашивает: «чѣм мнѣ тебя, Скобелев, жаловать за твою службу вѣрную?» А Скобелев и говорит: «всѣм я от тебя, государь-батюшка, награжден и ничего мнѣ не надо, а уважь только мою великую просьбу—прикажи по всему царству сдѣлать побожески передѣлку земли, чтобы крестьянам твоим не было обидно.» Царь то с ним в этом согласился; вот видно за это окаянные его и убили.» Всѣ слушали рассказчика с полным довѣ-

ріем, на лицах окружающих было замѣтно глубокое и серьезное размышленіе.

Нѣсколько поодаль мое вниманіе привлекла своим оживленіем толпа нищих; это были не нищіе по профессіи, а голодающіе из сосѣдняго уѣзда, отправившіеся нынѣшнюю зиму буквально цѣлыми деревнями в «кусочки». Они рассказывали подошедшим к ним обывателям, что в их городѣ была получена телеграмма от покойнаго царя к крестьянам, гдѣ он прямо спрашивает их получили ли они деньги и хлѣб, которые он послал им 6 мѣсяцев тому назад. Всѣ эти голодные люди были твердо убѣждены, что посланное царем осталось в руках дворян; а чтобы царь не узнал про их мошенничество, они его и убили. Новаго царя они надѣются обойти...! «Да и вряд ли будет он таким старательным для крестьян, каким был покойный царь», прибавил нищій растроганным голосом.

Всѣ бывшіе покушенія обыкновенно об'ясняются [14] крестьянами желаніем господ отдѣлаться от такого царя, которому все хотѣлось раздѣлить землю по божески. От многих знакомых крестьян мнѣ приходилось слышать, что новый царь поставлен господами, и будет непременно держать их руку.

Через нѣсколько дней послѣ 1-го марта один крестьянин увѣрял меня, что он доподлинно знает, будто вышло новое положеніе присягать всякому новому царю только на 3 года и никак не больше.—«это уж я вѣрно знаю, прибавил он, увидя, что я сомнѣваюсь, потому всѣ так у нас в деревнѣ говорят; вот и этому царю крестьяне присягали только на 3 года».

В другой деревнѣ мнѣ пришлось бесѣдовать с одною грамотною и очень неглупой женщиной из дворовых, которая увѣряла меня, что господа сами выдумали каких-то нигилистов, желая прикрыть ими свои собственные злодѣйства. Женщина эта много жившая по разным помѣщичьим семействам, относится с глубоким презрѣніем и даже ненавистью к ним ко всѣм. Такія же чувства замѣчаются и вообще в крестьянствѣ наших мѣст. Помѣщики и чиновники причина всѣх бѣд крестьянских. Твердо вѣрит народ, что помѣщики пользуютъ землею совсѣм не по закону и что она должна непременно перейти к крестьянам по царскому указу. Ожиданіе этого указа прошлым лѣтом было так сильно, что в сосѣднем уѣздѣ его ждали к троїцѣ и потому долго

не снимали у помѣщиков паровую землю. За послѣдніе годы ненависть к барам в нѣкоторых мѣстностях нашей губерніи в силу многих экономических данных начинает переходить из пассивной в активную. Поджоги помѣщичьих усадеб, а главное гумен, дѣло самое обыкновенное и, надобно отдать справедливость, поджоги эти совершаются с таким искусством, что почти никогда не могут разыскать виновных, хотя в этом дѣлѣ участвует почти всегда вся деревня. Купцов-помѣщиков крестьяне хотя и жгут также не меньше господ, но все таки относятся к ним с большим уваженіем за их умѣнье вести дѣла и за сравнительно простое обращеніе.

В послѣднее время кромѣ поджогов у крестьян сильно практикуется организованное воровство хлѣба с полей помѣщиков и лѣса, что не считается грѣхом (особенно послѣднее). «Хлеб, говорят крестьяне, взрощен нашим трудом и божьей помощью, а лѣс и подавно божій; придет скоро время и так все будет наше...»

Относительно того, в каком видѣ ждут так упорно крестьяне передѣла земли, я не могу сказать ничего опредѣленнаго; да думаю, что и сами крестьяне не представляют себѣ этого достаточно ясно, хотя и можно отчасти уловить основную идею передѣла из нѣкоторых частных фактов.

Один старик, напримѣр, объяснил мнѣ, что хотя господа и много сдѣлали зла народу православному, а все таки их грѣшно обижать и земли им дать тоже надобно, сколько понадобится для прокорму их с семейством.

В другой раз мнѣ пришлось разговаривать с одним крестьянином о бывшей землѣ одного помѣщика, проданной за долги, при чем он, хваля усадьбу этого имѣнья, сказал, что при передѣлѣ земли сын его н а в ѣ р н о получит эту усадьбу и еще десятин с 10 пахатной земли (всей земли было 400 д.), чтобы мог себя прокормить.

Вот тѣ отрывочныя впечатлѣнія и наблюденія, которыми я могу в настоящее время подѣлиться с вами. Слѣдующую корреспонденцію постараюсь сдѣлать болѣе обстоятельнѣй и многостороннѣй.

НѢСКОЛЬКО СЛОВ О СОЦІАЛИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНІИ ВО ФРАНЦІИ.

Главный интерес во Франціи в настоящую минуту представляют собою муниципальные и парламентскіе выборы, в которых французскіе соціалисты в первый раз приняли участіе как отдѣльная, самост. и полит. партія.

Задолго до окончательнаго рѣшенія на гаврском конгрессѣ вопроса об отношеніи соціалистов к рабочим кандидатурам шли усиленные, принципиальные споры по этому вопросу. Для характеристики мнѣній, высказанных по этому поводу двумя соціалистическими фракціями, мы приведем выдержки из письма ліонской группы анархистов, помѣщеннаго в «Эмансипаціи», и из отвѣта на это письмо Малона, бывшаго члена коммуны.

«У нас нѣтъ разнорѣчія с вами, пишут анархисты, в цѣли, к которой мы всѣ стремимся, но мы не согласны с вами в средствах для ея достиженія. Вы считаете своим долгом вступать в избирательную борьбу, мы оспариваем полезность участія рабочих в этой борьбѣ:

во 1-х потому, что делегатура есть отрицаніе прав народа, который, вручая их выборным, дѣлает из людей, равных ему накануне выборов, свои повелителей.

»2-х Всеобщая подача голосов будет служить только санкціей господству буржуазіи, пока рабочій будет зависѣть от патрона и может быть выгнан с фабрики, как оно и дѣлается сплошь и рядом, за свободное выраженіе своей воли при выборах.

»3-х Рабочія кандидатуры непримѣнимы, ибо, существуя заработной платой, рабочій не может скопить достаточно денег на издержки по выборам и не может занимать муниципальных должностей, не оплачиваемых жалованьем.

»4-х Рабочія кандидатуры вредны, потому что привлекают в революціонную партію лживых говорунов [15] из буржуазіи, которые громкими фразами заставят рабочих избрать себя, а потом перебегут в шайку Гамбетты. Они вредны и потому еще, что, извлекая из рабочего класса самых энергичных людей, посылают их в палату—в испорченную среду буржуазіи, гдѣ эти избранники народа очень скоро замѣчают, что получать

посуточно 25 фр. гораздо пріятнѣе, чѣм зарабатывать 3—4, и переходят на сторону буржуазіи, чтобы упрочить свое положеніе. Кромѣ того рабочія кандидатуры раздѣляют рабочій пролетаріат на столько лагерей, сколько найдется честолюбцев, желающих чрез них возвыситься, и отвлекут умы рабочих от соціальных вопросов, от организаціи и революціи, чтобы занимать их личностями кандидатов.

«5-х Заниматься выборами бесполезно, потому что если бы даже социалисты составили большинство в муниципалитетах и парламентѣ, революція осталась бы такою же неизбежной, как и теперь, ибо и тогда буржуазія, опираясь на свою экономическую силу, ничего не уступила бы добровольно.»

Малон, отвѣчая пункт за пунктом на эти возраженія, говорит:

«1) Теперь выборные дѣйствительно не сообразуюсь с волею избирателей, но с'организованный пролетаріат может заставить уважать свою волю, особенно овладѣвши, посредством выборов, муниципалитетами.

«2) Мы знаем, что политическое равенство не может существовать экономическому, но мы убѣждены, что борьба на политической почвѣ также, как и на экономической посредством стачек, ведет к организаціи пролетаріев, а организація есть главная задача социалистов. Для выполненія этой задачи недостаточно призывать рабочих к осуществленію социалистическаго идеала, а нужно вмѣшаться в его ряды и участвовать во всѣх его дѣлах. Если бы можно было достигнуть всеобщаго воздержанія рабочих при выборах, мы и тогда сомнѣвались бы, полезно ли это, но дѣло в том, что обстенціонизм в широких размѣрах невыносим. Уже 30 лѣтъ он проповѣдуется, но не практикуется; рабочіе крѣпко держатся за свое право вотировать, и, за неимѣніем друзей между кандидатами, вотируют за врагов. Несомнѣнно, что патроны за непріятные им ноты будут изгонять рабочих с фабрик, но без жертв невозможно никакое сопротивление угнетателям.»

«3) Рабочим избранным в муниципалитеты можно, по примѣру нѣмецких социалистов, выдавать из кассы организаціи.»

«4) Именно теперь говоруны-буржуа избираются рабочими и раз избранные смѣются над волею избирателей. Когда же

пролетаріат будет с'организован в самостоятельную партію, он будет в силах наложить отвѣтственность на своих избранных и сдѣлать безсильными измѣнников.»

«5) Мы знаем, что господствующіе классы ничего не уступят добровольно, но потому то мы и должны вмѣсто того, чтоб толковать о необходимости употребить силу, работать над ея созданием, т. е. организовать пролетаріев.»

Попытка оппортунистов обратить гаврскій конгресс в орудіе против социализма потерпѣла полную неудачу: делегаты-социалисты еще до перваго засѣданія выдѣлились и образовали, так называемый, «независимый» конгресс, который и был признан дѣйствительным рабочим конгрессом всѣми, за исключеніем тѣх, коих злонамѣренная попытка увѣнчалась полнѣйшей неудачей. На этом конгрессѣ по вопросу о рабочих кандидатурах состоялось слѣдующее постановленіе: «сдѣлать послѣдній опыт на муниципальных и парламентских выборах 81 года и только в случаѣ неудачи перейти к чисто революціонному образу дѣйствій. За основаніе при выборах конгресс принимает программу минимум, выработанную на парижском региональном конгрессѣ, происходившем в іюлѣ прошлаго года. Эта программа в своих экономических требованіях не идет далѣе палліатива в политической же части повторяют обыкновенныя требованія всѣх передовых политических партій. Выставляя эту программу, конгресс тѣм не менѣе приглашает избирателей, имѣющих болѣе крайнія программы, оставаться при них, дѣйствуя солидарно с остальными рабочими.

Не смотря на эти уступки и самую усиленную агитацію перед выборами в результатѣ получилось полное пораженіе. В 15 округах Парижа являлись представители рабочаго социализма и всюду получили ничтожное меньшинство. В нѣкоторых округах за социалистов оказались 20, 10 и даже 5 голосов. Не выбран был ни один.

Перед самыми выборами анархистами был пущен манифест, заключающій в себѣ программу их дѣятельности. Они призывают народ к всеобщей стачкѣ, которая сложится из совокупности стачек рабочих, плательщиков налогов, рекрутов и пр. и пр. Они убѣждают массу не тратить сил на погоню за болѣе или менѣе искренними кандидатами.

Конечно не этот манифест был причиною неудачи рабочих кандидатур; едва ли даже он повліял хоть сколько-нибудь на громадное число воздержаній от выборов (в Парижѣ цѣлая треть избирателей не вотировала),—для такого вліянія анархическая партія слишком слаба и немногочисленна. Сами анархисты объясняют этот обстенціонизм рабочих инстинктивным сознаниѣм всей бесплодности их участія в выборах.

СЛУХИ И ТОЛКИ.

«Скажи пожалуйста, ты чиновник или хорошій человек,—стоишь за нас?»—спрашивает крестьянин [16] (Московской губ.) одного барина, разѣзжающаго по деревням и записывающаго разныя «данныя» о мужичьем производствѣ. Барин спѣшил успокоить мужика и говорит ему, что он не чиновник. «Так я тебѣ скажу, милый человек—говорит мужик таинственно—у нас тут что-то затѣвается... затѣвается нѣчто в родѣ польскаго мятежа...»

— Как так? зачѣм?

— А вот видишь, за недоимку у нас все имущество описывают и хотят продавать; так мы сговариваемся не давать... Да не знаешь, как это бунтовать... Скажы, ежели знаешь, как это мятежники польскіе бунтовали?».

Хохол, денщик (из новобранцев) одного офицера, послѣ одного из покушеній стал допытываться у знакомой ему барыни: «за що их повісили? Я думаю,—дуже думаю: у священному писанію сказано: и един волос не упадет с головы без моей воли,—значит, и той, що стріляв, то тоже робив волю божую; бог хотив того, та й знайшов таку людину, що не побоялось нічого; за віщо-ж его вішати, коли він робив волю божую?»—допытывался он и просил потом не передавать об этом барину, «бо лятиме».

Заходит один господин, проѣзжій, в хату к козаку. Послѣ разных разговоров, он начинает разспрашивать старшаго козака, не помнит ли он что нибудь про Запорожье; тот стал вспоминать про «оселедци» (чубы), которые носили запорожцы, припоминал

пѣсни старья и т. д. Старуха, лежавшая на печи, внимательно слушала разспросы проѣзжаго и наконец сама вмѣшалась в разговор; стала припоминать запорожскія пѣсни и потом замѣтила: «а чути, мов знов буде Запорожжє.»

«За чѣм же оно будет?» спрашивает проѣзжій.

— «Та кажуть, що-б землю от панів отберать!»

«Да что и говорить: горе, одно горе... Тут жена померла, дѣтки то голодныя пищат, а кормить нечѣм; а тут на тебѣ: и сам захворал... Уж так плохо, так плохо,—хоть помирай...»—разсуждал рабочій—(немного под-хмѣльком). «Да ты бы—чѣм жалобиться—помощи-то попросил-бы: начальства всякого много...—пожалѣют они бѣднаго... и царь тоже не отказывает—помогает, сказывают... ты-бы к нему: коли так плохо—не откажет, разжалобится—говорит ему сидящій рядом с ним купчик. «Э-эх! кака-там от начальства помощь; не жалѣют они нашего брата—гоняют... Золото они любят... и царь сам не без корысти: золото он любит пуще всего на свѣтѣ и окружил-то он себя золотом... Да что сказать-то сказывать: извѣстное дѣло, что царю перво на перво золото подай... Сам он золотом...» Купчик напустился на рабочаго, стал пугать его гнѣвом начальства, наказаніем за такія рѣчи. Рабочій не унимался, продолжая развивать свои соображенія на счет царя и начальства и прибавил, что сам он любит царицу и дѣтей царских, «да и сам-то царь ничего себѣ... только уж больно он (т. е. царь) это самое золото уважает».

Рабочій указывает на дороговизну хлѣба и вообще жизни и на низкую при этом заработную плату. Старый отставной солдат, николаевской службы, поддерживает его: «слыханное ли дѣло, чтоб куль стоил 22 р., как теперь; 15—16 куда ни шло, а то 22! Вывозят хлѣб за границу, а у нас на Руси недостаток! А все это дѣло богачей, купцов да вот тѣх готпод, что в управах да думах засѣдают. Не может быть,—продолжает он, чтоб у нас не было хлѣба... велика Русь матушка: в одном мѣстѣ неурожай, за то в другом изобиліе. Вот в нынѣшнем году в Петербургской губ. такая рожь уродилась, что не запомнят... Все это князя

да графы, да богачи устроили, они вот говорят: ну, будет же у вас голод...

А все отчего?—оттого, что царь не вникает... Вот при Николаѣ такое же было, да Николай велѣл продавать хлѣб из запасныхъ магазинов, и купцы должны были спустить цѣну». На замѣчаніе собесѣдника, что и теперь есть запасной хлѣб, старик продолжал: «знаю, что есть, да он не вникает! Будь я царем, сказал бы: хочу добра моему народу! и велѣл бы продавать из запасныхъ магазинов по дешевой цѣнѣ. Вот теперь его на каждом шагу господа ловят, бѣгают за ним, стрѣляют. Он и боится... Да теперь уже поздно: крестьян не воротят... Было и при Николаѣ: подожгли дворец—да он махнул рукою—пусть его, хоть мѣсяц, горит!...»

Отчет о суммах, поступивших в редакцію «Ч. П.»

От С. П. А.—40 р.; от А. В.—4 р.; от М. М. на типогр. «Ч. П.»—1700 р.; от М. Б. Р.—25 р. 20 к.; от Е. Р.—100 р.; от Z. K. W.—на дѣло пропаг. в дер.—3650 р.; от Ш. У.—150 р.; от должника—50 р.; от кружка гимназистов—40 р.; от NN. на пропаганду среди гор. рабочих—1700 р.; от Гр.—400 р.; от М. К. сочувствующих—200 р.; от сочувствующаго—200 р.; от С.—90 р.; от В.—80 р.; от К.—40 р.; от Я. И.—300 р.; от тропиков Рака и Козерога—158 р.; от Г. И.—30, 15, 10 р.; от измайловцев—40 р.; от них же для передачи С.—30 р.; от степняков—175 р.

Опечатка. Во 2-м № «Ч. П.» вмѣсто от кружка X для возстановленія типографіи «Черн. Перед.»—115 р., слѣдует читать—«от Неизвѣстнаго для возстановленія типографіи «Ч. П.»—115 р.»

Изданіе 3-го № опоздало по независящим от редакціи причинам.

Ред.

Типография Общ. «ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ», 21-го мая 1881 г.
С.-Петербург.